

Секция «История»

**Деятельность Св. Синода как высшего органа духовной цензуры в
Императорской России**

Карпук Дмитрий Андреевич

Студент

*Санкт-Петербургский государственный университет, Исторический факультет,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: dimand3@yandex.ru*

Критика цензуры, как светской, так и духовной, является традиционным и отчасти даже общеобязательным явлением в кругу людей, занимающихся литературной и научно-исследовательской деятельностью. В Российской империи критике подвергался не только сам институт цензуры, но и многочисленные члены цензурных комитетов. При этом духовная цензура считалась самой строгой. Так, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Д.И. Ростиславов говорил: «Вы браните светскую цензуру? Эх! Познакомьтесь с духовной, тогда первая вам покажется чудом снисходительности» [2, с. 29]. Профессор университета св. Владимира в Киеве протоиерей Павел Светлов в начале XX в. в отношении духовной цензуры высказывался еще более жестко: «Духовная цензура – одно из самых вопиющих зол нашей церковно-религиозной жизни! . . . Всякая духовная цензура, самая безупречная, есть в принципе зло с христианской точки зрения. Это несомненная истина» [4, с. 2, 10].

Изучение фондов духовных цензурных комитетов, в частности Санкт-Петербургского, позволяет увидеть всю шаткость такого гиперкритического подхода в оценочных суждениях работы духовных цензоров.

Дело в том, что в Российской империи в XIX в. духовно-цензурную деятельность осуществляли четыре комитета при духовных академиях в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Казани. Однако высшей цензурной инстанцией являлся Святейший Правительствующий Синод. Поэтому профессиональная деятельность духовных цензоров всегда находилась под пристальным контролем членов Синода.

В единственном уставе духовной цензуры 1828 г. отдельно прописывалось, что есть несколько категорий книжной продукции, разрешить к выпуску в свет которую мог исключительно Синод: «Определения, или мнения о книгах, назначаемых для общественного употребления и заключающих в себе:

- а) вновь назначаемые к печатанию сочинения, к церковному служению относящиеся;
- б) жизнеописания святых, в первый раз издаваемые;
- в) сочинения и переводы, содержащие изъяснения целых книг Священного Писания;
- г) сочинения и переводы, содержащие изложение догматов Православно-Кафолические веры и правил христианской деятельности;
- д) сочинения и переводы, относящиеся к церковному управлению, -

Комитет представляет Святейшему Синоду, и не прежде пропускает таковые сочинения и переводы к напечатанию, как по рассмотрении и разрешении Святейшего Синода» [3, с. 67].

Другими словами, контакты между духовными комитетами и Синодом в дореволюционный период были довольно регулярными. Если сочинение, которое попадало на рассмотрение к цензору, подпадало под действие вышеуказанного параграфа устава, то

цензор должен был внимательно изучить рукопись, прекрасно понимая, что в случае одобрения текста, рукопись будут просматривать еще в Синоде. Если текст запрещался, то его возвращали автору. Если текст получал одобрение, то рукопись отправляли в Синод, который спустя какое-то время (от нескольких дней до нескольких лет) присылал указ с окончательным решением по данному вопросу. В Синоде, как правило, рассмотрение рукописи поручалось одному из архиереев.

В качестве примера интенсивности контактов между Синодом и цензорами в настоящей работе рассмотрены материалы журналов заседаний Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета за 1859 г. В комитетских журналах содержатся все рецензии цензоров о рассмотренных книгах, брошюрах, рукописях, изображениях и т.п. Также там содержатся выписки из синодальных указов об отправленных из комитета в Синод рукописях.

При изучении журналов за 1859 г. был выявлен 71-й синодальный указ, направленный в столичный духовно-цензурный комитет [1]. После первичной обработки все суждения-вердикты высшей цензурной церковной инстанции были разбиты на следующие четыре варианта:

- разрешить;
- не разрешать;
- разрешить, с внесением исправлением (тех, которые указаны цензором);
- вернуть для внесения исправления (тех, которые по замечаниям цензора должен был внести сам автор, т.е. более серьезные).

Синод без изменений пропустил 45 рукописей, т.е. больше половины от общего количества рассмотренных рукописей. Данные по трем другим пунктам в сумме составляют 26 наименований. Таким образом, получается, что 63% одобренных в Санкт-Петербургском духовном цензурном комитете рукописей получили одобрение и в Синоде. Остальные 37 %, т.е. каждая третья рукопись подвергалась или определенной правке или вовсе запрещению.

Такие данные позволяют утверждать, во-первых, что контроль со стороны Св. Синода за выпускаемой в Российской империи книжной продукцией религиозного содержания, действительно, был очень строгим.

Во-вторых, большой процент рукописей, одобренных Санкт-Петербургским духовным цензурным комитетом, но в итоге запрещенных Синодом, не мог не вызвать неудовольствие у представителей высшей церковной власти. Поэтому некоторые синодальные указы заканчивались прямым обращением к членам столичного духовного цензурного комитета более внимательно и профессионально относиться к своей деятельности. Подобного рода выговоры не могли не способствовать все большей и строжайшей придирчивости комитетских цензоров к рукописям. Ведь несколько выговоров могли привести и к более плачевным последствиям. Вопрос о связи между придирчивостью и строгостью цензора и карьерным ростом тем более необходимо иметь в виду, если учитывать, что с 1858 г. в состав цензурного комитета в Санкт-Петербурге входили исключительно сравнительно молодые ученые монахи.

Систематизация и изучение указов Св. Синода, как отдельного источника по истории духовной цензуры, дают возможность сделать следующие выводы:

- влияние Св. Синода на работу столичного духовного цензурного комитета в рассматриваемый период времени было достаточно серьезным;

- практически каждая третья рукопись, одобренная и поступившая из духовного цензурного комитета, подвергалась в Синоде критике (ее могли запретить; вернуть на существенную доработку; разрешить, но с внесением разного рода исправления по замечаниям цензора);

- большая часть внутренних цензоров Св. Синода являлись архиереями;

- привлечение в качестве внутренних синодальных цензоров специалистов не в епископском сане случалось сравнительно редко (чаще всего это случалось, если рукопись была на иностранном языке);

- время, которое уходило на рассмотрение рукописей в Синоде не регламентировалось и поэтому на цензурирование уходило несколько месяцев, а иногда и несколько (даже 5-6) лет.

Источники и литература

1. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1359. Журналы заседаний Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета за 1859 г.
2. Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х т. Т.1. – Рязань: Александрия, 2011. – 656 с.
3. Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре с 1720 по 1870 гг. СПб., 1870. – 234 с.
4. Светлов П., проф. прот. Духовная цензура. (Pia desideria русского богослова по поводу 8-го пункта Высочайшего указа 12 декабря). СПб., 1905. – 14 с.